

З. А. Чеканцева

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОПИСАНИЯ и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII века

Памяти профессора А.В.Адо

Современные исследования

о французской революции конца XVIII века.

М., 2003

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* © *Статья предоставлена для сайта автором, Зинаидой Алексеевной Чеканцевой*

За последние три десятилетия в историческом познании произошли существенные трансформации. Об их истоках и существе принято говорить в рамках «кризиса истории» и терминах «радикального поворота» перед лицом многочисленных «вызовов»: социально-политических, интеллектуальных, социокультурных¹. При этом заинтересованные специалисты отмечают и подчеркивают множественность и многоуровневость составляющих всех этих процессов. Многопланово понимание «кризиса» – дисциплинарный, когнитивный, структурный, кризис роста, методологический кризис, кризис социальной функции истории. Бесчисленно многообразии факторов, влияющих на нынешнее состояние историописания². Примечательно, что в последнее десятилетие «кризис истории» уже не воспринимается как нечто экстраординарное. Тема «кризиса» по существу постоянная величина в истории исторической мысли на протяжении как минимум двух столетий³.

Особенно динамично развивалась историография в XX веке. «В историю исторической науки, – пишет известный отечественный медиевист, – наше столетие войдет, вероятно, как время, когда историки всерьез задумались о природе и особенностях своего ремесла, о возможностях своей науки и месте ее в системе научного познания»⁴. Основу этой динамичности видят, прежде всего, в активном общении истории и историков с другими науками о человеке – географией, экономикой, социологией, лингвистикой, антропологией, психологией, искусствоведением⁵. Весьма продуктивным было в прошлом веке и взаимодействие истории с метафизикой и аналитической философией истории, историей науки, социальной теорией⁶. Во многом благодаря этим контактам, активизировавшимся еще в начале XX века, историческое знание стало важнейшей составной частью гуманитарного дискурса. В то же время междисциплинарные связи на протяжении длительного времени способствовали историзации всех наук о человеке, позволили осознать историчность и относительность многих казавшихся незыблемыми оснований классического познания, в том числе, таких как рациональность и социальность⁷. Произошла переориентация гуманитариев на специальное изучение процессов интеллектуального творчества и всех его составляющих (язык, речь, вербальные и невербальные тексты). Стремительно развивается культурология как важнейшая часть современных гуманитарных исследований⁸.

Кульминацией перемен стали 70-80 гг., когда, по мнению многих специалистов, имела место эпистемологическая или интеллектуальная «революция». 90-е годы, по-видимому, можно рассматривать как период торжествующего плюрализма и постдисциплинарности.

Сегодняшняя историографическая ситуация в западной науке свидетельствует о радикальном переосмыслении и переопределении базовых исходных аксиом историописания, касающихся предмета исторического исследования, исторического факта, исторического источника, места историка, значения текста, языка в историческом исследовании, содержания историзма. В очередной раз проблематизированы вопросы об основаниях исторической дисциплины, о содержании исследовательского процесса, достоверности получаемого знания, способах его репрезентации и восприятия читателем. В этих условиях в международном сообществе историков интенсивно идет процесс дисциплинарного и профессионального самоосмысления⁹, а в русле новой интеллектуальной истории предлагаются принципиально новые подходы и способы интерпретации историографического материала¹⁰. При этом в центре внимания – исследовательская практика историков и эпистемология.

Отечественная историческая наука и ее представители постепенно втягиваются в этот процесс. Явно усилился интерес к методическим и теоретическим основам исторического знания. Активно осваиваются новые дисциплинарные направления – историческая антропология, история ментальностей, гендерная история, новая биография, новая интеллектуальная история и т.д.

Значительные перемены произошли за последние пятнадцать лет и в такой важной для российской истории и культуры теме как французская революция конца XVIII в. Прежде всего в последнее десятилетие поставлена под сомнение марксистская концепция революции¹¹. Предпринимаются попытки обновления методологического багажа. Например, в конце 80-х годов размышления о формационных и цивилизационных истоках французской революции позволили А.И.Фурсову актуализировать проблему субъектности в истории¹²; в начале 90-х годов было создано монографическое исследование, в котором по-новому в историко-антропологическом и культурологическом ключе «прочитана» традиционная тема советского периода – тема народных движений¹²; ряд историков попытались работать в рамках экспериментальной микроистории, создав оригинальные этюды по конкретным сюжетам Старого порядка и революции¹⁴. Однако до глубокой методологической переориентации в изучении революции в нашей науке еще далеко. Проблема такой переориентации, на мой взгляд, пока не сформулирована. Обоснована необходимость двигаться к «новой парадигме» и намечено направление движения: «преодоление... сложившегося в середине XIX в. позитивистского историзма новым типом исторического мышления»¹⁵. При этом отечественные специалисты по историографии революции и в постсоветское время предпочитают оставаться в предметном поле и анализируют, точнее, инвентаризируют не столько исследовательские практики, сколько их результаты¹⁶.

Осмысление процесса изучения революционной эпохи чаще всего останавливается на уровне констатации и описания смены исследовательских приоритетов, расширения проблематики, более или менее подробного реферативного описания конкретных исследований или проблемного обзора определенного их количества. Объясняются эти перемены преимущественно накоплением новых данных, идеологической и политической конъюнктурой, сменой поколений и лишь намекается на некоторые новые веяния в науке вообще, которые чаще всего связывают с влиянием идей школы «Анналов»¹⁷. Интеллектуальный мир как среда обитания ученых историков и то, как они думают, изучается пока явно недостаточно. Впрочем, уже есть исключения из этого наблюдения¹⁸. Кроме того, и в постсоветской историографии революции одним из способов организации материала остается выявление направлений в соответствии с политическими пристрастиями ученых¹⁹. На фоне интернационализации историографической практики и очевидного снижения значения идейно-политического компонента в самоидентификации национальных исторических сообществ такой способ репрезентации историографического материала представляется наивным, даже если речь идет о таком идеологизированном сюжете как французская революция.

Таким образом, несмотря на существенные изменения в отечественной историографии революции, ее «особое лицо» (А.В.Адо) находится в стадии формирования и задача преодоления накопившихся в историографической традиции предрассудков и стереотипов сохраняется. Для ее решения было бы полезно изменить сам подход к исторической исследовательской продукции: читать работы историков не только для того, чтобы выяснить достигнутые результаты в исследовании той или иной проблемы, а попытаться понять, прежде всего, саму манеру исследователя писать историю с тем, чтобы нащупать пути и возможности нового исторического повествования. Возможно, это поможет прояснить эпистемологические основания «критических поворотов», имевших место в историографии французской революции последних десятилетий и конкретно вписать осмысление французского революционного опыта в динамично перестраивающееся поле исторического поиска. Разумеется это задача непростая. Цель статьи – привлечь внимание к этому вопросу и обозначить некоторые пути его обсуждения.

«Историографический пейзаж» французской революции за последние десятилетия изменился радикально. Еще в начале 90-х годов стало ясно, что «даже наименования исследовательских групп, изучающих революцию проблематичны» и была высказана мысль о «необходимости модифицировать терминологию, касающуюся различных интерпретативных течений в историографии революции»²⁰. Поскольку содержание этих изменений многократно и обстоятельно описано в зарубежной и отечественной литературе²¹, позволю себе в общих чертах обрисовать это новое состояние, чтобы сделать понятным и не совсем оторванным от предметного поля поиск эпистемологических оснований этих перемен.

До конца 50–х годов в историографии революции доминировала ее «классическая» концепция, развитие которой в XX столетии во Франции связано, прежде всего, с именами Ж.Лефевра (1874–1959) и Э.Д.Лабрусса (1895–1988). Основные моменты «классического» прочтения революции разделяла и развивала весьма влиятельная в первой половине века международная марксистская историография.

Для «классической» историографии революции характерна методологическая позиция, которая точнее всего была выражена Ж.Лефевром: «Недостаточно описывать, надо считать». Соответственно для верификации и сближения исторического знания с подлинной наукой в основе объяснения были количественные данные, полученные из серийных источников. Отчасти такой подход был связан с объектом изучения. Преобладала социальная и экономическая история. Историки изучали социально-экономические структуры общества, социальные классы, а революция представлялась как один из уникальных моментов борьбы классов, в ходе которой к власти неизбежно должна была прийти национальная буржуазия. Количественные данные были обязательным атрибутом исторического объяснения, важнейшей «доказательной» его составляющей. Сотни специальных исследований по истории революции были созданы по одному образцу, как ответ на проверенный и всем известный список вопросов. При этом историки марксисты изучали революцию преимущественно «снизу» и «слева»: главный источник революционной энергии видели в движении масс, а вершиной революционной драмы считали период «якобинской диктатуры». Сторонников такой трактовки революции М.Вовель назвал «якобинской школой». Апогеем ее активности и влияния были 50-60-е годы. В этот период работали ученики Ж.Лефевра А.Собуль, М.Сюратто, Р.Кобб, В.Марков, Д.Рюде, советские историки А.З.Манфред, В.М.Далин, Б.Ф.Поршнев, А.Л.Нарочницкий и др. Однако в конце 50-х годов в международной историографии неожиданно активно стало формироваться так называемое «критическое» или «ревизионистское» направление, адепты которого – А.Коббен, Дж.Тэйлор, Э.Эйзенштейн, Ф.Фюре, Д.Рише, Э.Ле Руа Ладюри и другие – предприняли решительную атаку на «классическое» понимание революции. И предложили ее новое прочтение. «Классическая» и марксистская интерпретация были объявлены «мифом», под вопрос было поставлено видение революции как формационной и буржуазной, как единого социального взрыва, предопределившего неизбежность перехода от феодализма к капитализму. Появление этого «критического» направления вызвало оживленную дискуссию в международной историографии революции, которая, несмотря на идеологический заряд, стимулировала научный поиск и способствовала переосмыслению и переопределению общих интерпретационных схем. Попытка сторонников «классического прочтения» активизировать изучение революционной эпохи в начале 70-х годов главным образом путем расширения проблематики исследований закончилась неудачей²². Инициатива в изучении революции перешла к сторонникам новых подходов, которым удалось существенно трансформировать общий образ революционной эпохи. Телеологическое преимущественно социально-экономическое (и формационное) видение революции сменилось множеством объяснительных моделей, которые, впрочем, не отменяют, а скорее дополняют друг друга. Революцию стали представлять не только как борьбу классов²³, но и как конфликт идей и представлений, проявившийся в полном небывалого драматизма революционном «спектакле», как «политическое самоопределение» французской нации, как грандиозную попытку преодоления разрыва между элитарной и народной культурой, как политический переворот, предопределивший рождение нововременной демократии, как борьбу поколений и т.д. В то же время претензии ученых на «объяснение» революции существенно поубавились. В работах 80-х годов революция предстает как «загадка». Осмысление ее – увлекательное Интеллектуальное занятие, позволяющее не только выявить хитросплетения революционного времени, но и понять многие важные проблемы нашего сегодняшнего опыта.

Размышляя о состоянии международной историографии революции по итогам 200-летнего юбилея, А. де Бек пришел к заключению, что «критический поворот» в историографии французской революции в целом соответствовал повороту в исторической дисциплине, в ходе которого историки столкнулись со своими сомнениями по поводу проникновения в реалии прошлого и неожиданно обретенной сложностью обществ, которые были объектом их изучения. В этом смысле «история французской революции перестала быть особым исключительным миром»²⁴. Этот вывод французского историка на первый взгляд представляется парадоксальным, так как размах юбилейных мероприятий, казалось бы, напротив мог изолировать этот период и людей, которые его изучают. Однако этого не произошло. Почему? Думается, что ответ надо искать в новом интеллектуальном климате, сложившемся в гуманитарном дискурсе к концу 80-х годов, когда стало принципиально невозможным наличие привилегированных сюжетов или «правильного» всеми признаваемого мнения/знания по любому поводу.

Есть основания полагать, что изменения в историографии французской революции не только совпадают по времени, но и содержательно вписываются в интеллектуальную «революцию» 70–80 гг. в западной гуманитаристике. Зарубежная литература этого периода, так или иначе связанная с темой народных движений свидетельствует, что многие работы историков были созданы на основе новых исследовательских подходов и процедур, общий пафос которых вписывается в постмодернистское мироощущение²⁵. То же можно сказать о большом массиве

исторической продукции, посвященной письменной и визуальной культуре французской революции, культуре чтения и издательского дела периода Просвещения, романтической историографии первой половины XIX века, связанной с революционной эпохой. «Глубокое» чтение этих работ без сомнения позволило бы вписать многих специалистов по истории революционной эпохи в «коллективную биографию» (Г.И.Зверева) новых интеллектуальных историков. Разумеется, все это можно и нужно представить «в материале», но в ограниченных рамках статьи это сделать невозможно, да это и не входит сейчас в мою задачу²⁶. Хочу лишь подчеркнуть, что «новое видение» пробивало себе дорогу не только в новых предметных областях. Например, первая серьезная критика широко распространенного социографического метода анализа содержится в работах по истории французских городов, по истории народных движений, в региональных исследованиях, написанных в русле «тотальной истории» и т. п. Поэтому связывать «критические повороты» в историографии революции с открытием новых предметных областей и с «возвратами» (?) к «событию», «политике» и т.п. малопродуктивно..

Побудительный мотив участников ревизионистского проекта, который ясно прочитывается в их работах – критическая установка на демистификацию, раскрепощение мысли, избавление от предрассудков, стремление выйти в изучении революции на новый осознаваемый многими интеллектуалами уровень в «режиме рациональности» вполне соответствовал общей установке гуманитариев этого периода. В этой связи естественно возникает вопрос о природе интеллектуальных изменений. С чем связано обновление, тем более радикальное обновление научного знания?²⁷ В аналитической философии и истории науки не раз предпринимались попытки найти ответы на эти вопросы. Отечественные историки историографии отдают предпочтение теории парадигматического развития науки, впервые предложенной американским социологом Т.Куном²⁸, в которой объяснение концептуального развития строится на различии двух противоположных исторических стадий: «нормальной» и «революционной». Однако, как известно, теория Куна, созданная на материале естествознания, которое в Новое время считалось воплощением научности, была встречена весьма критически (П.Фейерабенд, Ст.Тулмин, Дж.Брунер и другие). Особенно убедительна критика применительно к гуманитарным дисциплинам, в том числе к историографии. Рецензенты насчитали в книгах Куна около двух десятков толкований термина «парадигма». Кроме того Кун несколько раз изменял свою теорию²⁹. Наконец, эта теория появилась достаточно давно (1962 г.). В этой связи у меня нет уверенности в том, что в поисках нового видения революции нам необходимо «выработать новую парадигму». Сама мысль о том, «что «парадигма» и «кризис» являются фундаментальными понятиями каждой науки, на языке которых можно описывать происходящие в ней масштабные перемены»³⁰ представляется спорной. Даже если принять определение парадигмы истории, предложенное Б.Г.Могильницким³¹, в основе которого мягкая версия теории Куна, исключая «революционную иллюзию» (Ст.Тулмин), остается вопрос: как согласовать его с принципиальным плюрализмом постструктурализма и постмодерна?³²

Мне ближе мнение американского философа Стивена Тулмина, который полагал, что интеллектуальные мутации связаны не столько с парадигмальным приращением логико-сциентистского знания, сколько с постепенной трансформацией «стандарта рациональности», во многом определяющего черты интеллектуальной жизни конкретного времени³³. «Интеллектуальное содержание любой рациональной деятельности не образует ни единственной логической системы, ни временной последовательности таких систем, – считает ученый, – скорее оно представляет собой интеллектуальную инициативу, рациональность которой заключается в процедурах, управляющих его историческим развитием и эволюцией». Процедуры эти вырабатывают конкретные люди, ученые, для которых степень понятности того или иного явления, процесса, события, состояния зависит от интуитивно принимаемого за норму «режима рациональности», определяющего черты интеллектуальной жизни любой исторической эпохи. Не это ли имеют ввиду Р.Шартье и Ю.Кристева, когда пишут о «новой интеллигентности» или «новом режиме воображаемого», характеризующих интеллектуальный мир второй половины XX века? Формирование этого нового «режима рациональности» происходило постепенно во всех сферах освоения мира, включая искусство, религию, философию, естественнонаучные и гуманитарные дисциплины: новое видение мира, человека, культуры и истории, получив значительный импульс где-то на рубеже XIX–XX веков, по крупицам накапливалось в течение всего XX столетия. Процесс этот носил не линейный характер, а продвигался, если использовать метафору Ф.Броделя, как испанская процессия, когда шаг вперед сопровождается двумя шагами назад.

Содержание этого процесса – большая междисциплинарная тема. Философ В.Н.Сыров убедительно продемонстрировал связи между важнейшими западноевропейскими историко-философскими проектами нового времени, изменением способов конституирования исторического и гносеологическими трудностями исторического познания XVII–XX веков³⁴. Осмысление этих связей помогает понять эпистемологическую природу «ревизионистской атаки» на классическое видение французской революции.

Ф. Фюре, язвительно критикуя книги по истории революции А.Собуля и особенно К. Мазорика, отчетливо понимал наличие таких связей. Он не без оснований называет теоретические построения историков-марксистов «метафизическим чудовищем», которое своими щупальцами удушает историческую реальность, проявляющуюся в пульсирующей, непредсказуемой спонтанности революционного кризиса³⁵. А чрезвычайно живучий концепт «буржуазная революция» историк представляет «метафизическим персонажем», уподобляя его «картезианскому Богу», который «обнаружив, что существование входит в число его свойств, уже не мог не существовать»³⁶.

Сам тип исторического мышления, которое определяло исследовательские стратегии историков, оформивших «классическое» и марксистское видение революции был порожден нововременной природой философствования, заданной знаменитым декартовым радикальным сомнением. Ключевой в этом способе философствования была проблема истины, при этом общий принцип ее установления был предопределен. «Это редукция многого к единому, сложного к простому, представления к идее, опосредованного к непосредственному, данному с очевидностью... и обратная процедура дедукции сложного из простого, диалектики многого из единичного и т.д.»³⁷. «Именно это обстоятельство, – пишет В.Н.Сыров, – произвело на свет все базисные оппозиции классики: естественное/искусственное, опосредованное/непосредственное, эмпирическое/теоретическое, мнение/знание и т.д. Оно же предопределило истолкование всей сферы знания и культуры в целом как иерархии, базирующейся на едином основании или выведенной из него»³⁸.

В основе классической исследовательской процедуры лежит идея обратимой и членимой последовательности фактов. Это приводит к тому, что структура определяет и подминает событие. Событие в этой системе, прежде всего временная единица, содержание которой можно выяснить на основе документов в архиве. Соединение этих единиц позволяет получить некую структурную (системную) целостность явления любой природы (экономической, демографической, социальной, культурной). Нарращивание таких целостностей означает прогресс исторического познания. Для того, чтобы вписать подобную целостность в историю достаточно ее уложить в хронологический ряд. Сравнение «правильно» выстроенных хронологических периодов и телеологическая установка на обязательность движения от простого к сложному (прогресс) выступает в качестве объяснения исторической динамики путем установления причинных зависимостей³⁹. Однако это объяснение иллюзорно, ибо возникает масса гносеологических вопросов: природа изменения и развития держится на априорной вере в прогресс, причинные зависимости никогда не удается выяснить до конца, простое сложение разнородных частей целого лишь дробит сюжет и т.д. Кроме того, есть еще люди в истории и конкретный человек с его непредсказуемым выбором. Многие историки XIX и начала XX века понимали эти методологические трудности и настойчиво искали пути их преодоления. Появление в межвоенной историографии множества новых идей и направлений, в том числе французских «Анналов» свидетельство плодотворности этих поисков⁴⁰.

Тем не менее, успех темы революции в послевоенной историографии Б. Лепти считает одним из проявлений «методологии «роста»», т.е. следствием чуждостью части историков к методологическим проблемам. Во-первых, революция была объектом весьма разнородным: в ней было и политическое, и социальное, и экономическое, и культурное, и демографическое и т.п., что делало ее привлекательным полем для многофакторного исторического исследования. Кроме того, к ней можно было применить самый понятный в логике классики способ объяснения изменения – радикальный разрыв между одной целостностью и другой. Возможно, это мнение не бесспорно, но об очевидном акценте на разрыве и недооценке преемственности в истории революции в «классической» интерпретации писали, как известно, и Ф.Фюре⁴², и А.В.Адо⁴³.

В методологическом плане марксистская историография революции, которая объявила себя преемницей классики⁴⁴ не очень отличается от той «историзирующей» историографии «ножниц» и «клея», в борьбе с которой происходило становление «Анналов». В этой историографии объект исследования был дан заранее. В работе с временем доминировало время календарное. Патент на научность выдавался текстуализацией материала путем выделения временных срезов (периодов) для того, чтобы выявить сходства и различия и тем самым показать

ход процесса⁴⁵. Основной метод анализа социальных реалий предполагал обязательное выстраивание социальной иерархии на основе априорных понятий, которые через «архив» наполнялись конкретным содержанием и т. д. Историко, профессионально сформировавшемуся в русле советской традиции содержание этих процедур хорошо известно.

Вера в прогресс, в возможность отличить «истинное от ложного» в кипении страстей революционного времени, уверенность в волшебной силе «понятий», «категорий», иерархий и классификаций, опора на убедительную и очень удобную в исследовательской практике «ясность» бинарного мышления (прогресс–регресс, базис–надстройка, материальное–идеальное, субъект–объект и т.п.), наивная вера в аналитическую продуктивность конструкций типа «с одной стороны..., с другой стороны» предопределили поражение этого направления в борьбе с «ревизионистами».

Между тем, к середине 30-х годов, после известных открытий в естествознании, ницшеанского анализа форм нигилизма, методологических дискуссий рубежа веков и первой мировой войны, которая по общему мнению оказала значительное влияние на интеллектуалов, сложилась принципиально новая мировоззренческая и эпистемологическая ситуация. Ее содержание лучше всех выразил М.Хайдеггер, показавший, что тип философствования, связанный с постановкой вопроса об установлении «истины о сущем в целом», себя исчерпал⁴⁶. Это означало, что время философско-исторических доктрин, претендующих на объективность и способность предсказывать будущее, закончилось. Главным «детисцем» этой ситуации стало открытие тотальной неопределенности, что вновь обострило вопрос о судьбе исторического знания. Р.Дж.Коллингвуд, размышляя о природе исторической истины в 1935 г., подтвердил диагноз М.Хайдеггера: «все теории познания, которые понимают его как взаимодействие или отношение между субъектом и объектом, существующими в настоящее время, противопоставленными друг другу и современными друг другу, теории, принимающие непосредственное как суть познания, делают историю невозможной»⁴⁷. Опосредованный характер исторического познания (прошлое дано нам только через источники) делает невозможной применение «традиционной концепции истины и ее модификаций, т.е. сопоставление высказываний с внелингвистическим референтом.» (В.Н.Сыров). Основным, а, возможно, и единственным методом определения достоверности высказываний о прошлом является их согласование.

Во всех сферах знания, в том числе в истории, ученые активизировали поиски выходов из осознанных гносеологических трудностей. Не случайно именно 30-е годы стали временем рождения французских «Анналов», одного из самых интеллектуально продуктивных историографических направлений XX века.

Новая ситуация актуализировала проблему времени и предопределила новое понимание роли историка как познающего субъекта. Переосмысление природы темпоральности в естествознании, философии, социологии, истории (Эйнштейн, М.Хайдеггер, Гурвич, М.Блок, Л.Февр, Ф.Бродель) стало важнейшим фактором в обновлении гуманитарного дискурса в целом и исторического мышления в частности. В историописании медленно, но все более уверенно календарное время и связанные с ним исследовательские процедуры стали вытесняться многомерным качественно содержательным социальным временем. Традиционную «историю-рассказ» сменяла проблемная история, в которой «объект» не дан заранее, а «конструируется» «строится» историком, и «только практика исследования его ясно высвечивает и выражает»⁴⁸. Такую историю интересует не отрезок времени сам по себе, а содержание процессов, которые в этом отрезке можно увидеть.

Развитие конструктивистских идей⁴⁹, лингвистический поворот в философии, значение которого не только в том, что он обратил внимание на «язык» как еще одну сферу в ряду других, но позволил осознать знаковость и текстуальность мира и человеческой жизни⁵⁰, убедили часть историков, что субъективизм в их ремесле принципиально неустраим. Отсюда известная, ставшая сегодня тривиальной максима – «история неотделима от историка» и соответствующее ей новое понимание содержания истории. «История, – писал, например, А.И.Марру, – это не больше того, что мы считаем разумным принять за истину в нашем понимании той части прошлого, которую открывают наши документы»⁵¹.

Иными словами, стало ясно, что все наши интерпретации истории – это интеллектуальные конструкции историков, что делает понятной гносеологическую природу метафоры историографической «миф».

Обновленная философия, история науки, герменевтика, семиотика и «структуралистская революция» радикально изменили словарь историков. Традиционно понимаемое «объяснение» было практически вытеснено из этого словаря. Его заменили «понимание» и «интерпретация». Концепты «закон» и «закономерность» в гуманитарном дискурсе стали вытесняться «паттернами». Важнейшим методологическим принципом стала установка на сложность объекта изучения: смысл исследования не в том, чтобы, упростив объект наблюдения, сделать его более понятным, а в том,

чтобы, руководствуясь установкой на сохранение сложности, найти способы более адекватного понимания и репрезентации последней. Руководящая нить такого исследования – «нахождение внятностью». После работ М.Фуко и Н.Элиаса «объект» уступил место «объективациям», сейчас предпочтение отдается концепту «конфигурация».

Понимание непрозрачности объекта изучения требует интеллектуальных усилий и специальных способов (процедур) для преодоления (всегда частичного) этой непроницаемости. Отсюда доминирующая установка самых интересных и свежих исторических работ последних десятилетий на сознательную творческую рефлексию исследователя, свободную от каких-либо ограничений (концептуальных, доктринальных, идеологических) – установка на изобретение. Отсюда примат исследовательской практики и недоверчивое отношение к общим схемам и абстрактным формулировкам. Но это вовсе не значит, что историки, в том числе французские, отвергли теорию. Они переосмыслили ее содержание, так же как и содержание методологии. И то и другое все более утрачивают значение инструментальных средств и становится культурным актом, порожденным в первую очередь стремлением познающего субъекта (историка) «переописать» какой-то фрагмент традиции в соответствии с собственным культурным опытом⁵².

Тема нарратива, столь популярная сегодня в гуманитарном дискурсе⁵³, соединила в себе два важнейших открытия XX века: тему времени и тему языка, поскольку нарратив «представляет собой темпорально организованное повествование». Однако «поворот к рассказу и событию» в историописании не следует понимать только, как проявление стремления историков писать интересно или «выстраивать» конкретный материал в хронологические ряды. Специалисты подчеркивают, что наррация является не вербальным актом, а способом организации событий как таковых (Д.Карр). Более того, установлено, что черты нарратива присущи повседневному человеческому опыту. Выявление нарративной природы социальной жизни открывает возможности для более глубокого самопонимания. В том числе путем применения концептов, выработанных нарратологией⁵⁴ в социальном и гуманитарном познании. Привлекательность нарратива для историков в том, что он открывает новые стратегии понимания, помогая мыслить не только в категориях закона и структуры, но и в логиках процесса и ситуации⁵⁵.

Опыт весны 68 года обнажил слабости политических теорий, в том числе марксизма, который как известно был компонентом политического мышления многих западных интеллектуалов. Обострив нигилизм мыслителей, принадлежащих к поколению М. Фуко, он стал важным прагматическим стимулом к переосмыслению природы власти, знания, желания, помог понять, что секрет так называемого «предательства революций» в том, что власти можно противопоставить только другую власть⁵⁶. При этом критика власти стала одновременно и критикой логоса. «Разум и власть едины, – писал Ф.Лиотар в 1973 году. – Вы можете приукрашивать разум с помощью диалектики или прогнозирования, но в то же время вы будете иметь власть в ее самом грубом виде: тюрьмы, запреты, общественное благо, отбор»⁵⁷. Сфера политического стала приоритетной в гуманитарном дискурсе, в том числе у историков.

Все эти новации⁵⁸, а также известные международные дискуссии 60-х годов с гемпелевской концепцией «охватывающего закона» о специфике исторического объяснения и о социальной структуре французского общества Старого порядка⁵⁹ подпитывали интеллектуальные поиски «ревизионистов» и тех, кто в этой «атаке» смог увидеть не только идеологическую предвзятость.

В новой интеллектуальной атмосфере конца 50–70-х гг. отсутствие интереса у «классической» историографии революции, к интеллектуальным процедурам, которыми руководствуется историк в работе⁶⁰, предопределило ее теоретическое поражение в борьбе (идеологической) и соперничестве (собственно научном) с «ревизионистами», которые напротив активно размышляли об основаниях своего ремесла. Многочисленные сноски в монографиях и статьях историков 70–80-х гг. на труды Ф.Ницше, Г.Башляра, М.А.Бахтина, Ф.Соссюра, Э.Бенвениста, А.Бергсона, Э.Дюргейма, Э.Гуссерля, М.Вебера, М.Мосса, З.Фрейда, П.Рикера, Н.Элиаса, М.Шелера, К.Леви-Стросса, К.Гирца, Т.Парсонса, Ю.Хабермаса, Э.Гидденса, П.Бурдьё, Ж.П.Сартра, М.Хайдеггера, М.Фуко, Р.Барта, Ю.Кристовой, Ж.Лиотара, Ж.Делеза, Р.Рорти, Ж.Дерриды и других выдающихся представителей интеллектуальной мысли XX столетия свидетельствуют, о том, что историки не уставали учиться у философов, социологов, географов, антропологов, лингвистов, литературоведов, социальных теоретиков, искусствоведов, культурологов и т.п., заимствуя у них исследовательские методы, подходы, идеи и критически переосмысливая, опираясь на полученные в смежных науках о человеке результаты, сложнейшие методологические проблемы и антиномии историописания. Было бы очень полезно и поучительно проанализировать эти контакты и связанные с ними интеллектуальные мутации на историографическом материале Старого порядка и революции.

В 90-е годы изменения в гуманитарном (и историческом) интеллектуальном пространстве значительно активизировались. Лавинообразно растет количество новых идей и концепций. Стремительно меняются приоритетные исследовательские ориентиры. К примеру, еще совсем недавно казалось, что история ментальностей, и шире антропологически ориентированная история является тем полем, которое способно существенно обновить исторические представления, но уже ясно осознаны методологические пределы этих направлений. То же самое можно сказать о микроистории и новой биографии. Не менее интенсивно, чем на Западе перемены происходят и в нашем Отечестве. Например, В.Н.Сыров, отталкиваясь от западноевропейской традиции предложил очень любопытный проект философии истории, учитывающий современную мировоззренческую и эпистемологическую ситуацию. Речь идет не еще об одной концепции исторического процесса как всеобщей истории, а о выявлении таких способов конституирования исторического, которые позволили бы историческому знанию успешно справляться с гносеологическими трудностями. Стержень проекта – прагматичная и оптимистичная программа «переописания» концепта «история», включающая в себя переосмысление таких важнейших понятий XX века как «историчность», «опыт», «традиция», «время», «нарратив», «метафора», «повседневность», «идеология» и т.д.⁶¹ Если прав Р.Шартье⁶², и история сегодня находится, как и во времена М.Фуко, «на краю обрыва» или «между уверенностью и беспокойством», такая программа заслуживает внимания историков.

«Новый тип исторического мышления» или «новый историзм», отличный от историзма середины XIX века не может родиться как *deus ex machina*. Он давно уже существует в «ментальном архиве» (М.Фуко) интеллектуалов, при этом ни на миг не останавливаясь изобретательно совершенствуется. Пристально всматриваясь в традицию (предание) можно детально описать все его приключения в XX столетии. Этот текст – еще одна попытка обратить внимание историков на необходимость включиться в эту работу.

Примечания

1. См.: Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2-3.
2. См., например: Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка. Современные подходы // Исторические записки 1 (119). М., 1995. С.7-8.
3. Olabbari I. A «New» New history: a longue duree structure // History and theory. 1995. Vol.34. N 1. P. 1-29. Не означает ли это, что сам термин «кризис» – это прежде всего метафора, позволяющая маркировать некое новое состояние исторического знания?
4. Ястребицкая А.Л. Культурное измерение социального // Культура и общество в средние века – раннее новое время. Методология и методика современных зарубежных исследований. М., 1998. С.47.
5. О содержании, возможностях и ловушках междисциплинарности см. содержательную статью французского историка Б. Лепти: Лепти Б. Некоторые общие вопросы междисциплинарного подхода // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы «Анналов». М., 1993. С.71-76. См. также Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. 1998. № 5-6.
6. О роли смены познавательных ориентиров в гносеологии и философии в трансформации методологии истории см. Визгин В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей. 1996. М., 1996. С.39-59; О новой социальной теории см. Новая социальная теория. Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.
7. См.: Исторические типы рациональности. М., 1995. Т.1; Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей 2001. М., 2001. С.199-215.
8. См. об этом: Скворцов Л.В. Гуманитарное знание на пороге третьего тысячелетия: рубеж новой духовности // Идеи в культурологии XX века. М., 2000. С.14-37.
9. См. об этом: Зверева Г.И. Обращение к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 1999. № 1. С.250-265.
10. См. Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996; Диалог со временем. Альманах новой интеллектуальной истории. Выпуск 1-8. М., 1999-2002.
11. Актуальные проблемы французской революции. Материалы круглого стола 19-20 сентября 1988 г. М., 1989; Адо А.В. Письмо профессору Шен Ченсиню // Вест. Моск. Ун-та. Сер. 8. История. 1996. № 6; Он же. [Французская революция в советской историографии](#) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина. М., 1998; Чудинов А.В. [Смена вех: 200-летие революции и российская историография](#) // Французский ежегодник 2000. М., 2000.

12. *Фурсов А.И.* Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта // Французский ежегодник 1987. М., 1989. См. об этом также *Гордон А.В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989
13. *Чеканцева З.А.* Народные движения во Франции между Фрондой и Революцией. (Опыт субъектного анализа открытого народного протеста). Автореф. дисс...д-ра ист. Наук. М., МПГУ, 1992. Она же. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996.
14. См., например: *Пименова Л.А.* Как судейский крючок женился на герцогине, или Три версии одной истории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. М., 1999.
15. *Гордон А.В.* «Круглый стол» Французская революция XVIII века и буржуазия. Дискуссия // Новая и новейшая история. 2002. № 1.
16. См., например: *Блуменау С.Ф.* От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская историография революции конца XVIII в. (1945-1993 гг.). Брянск, 1995; Он же. «Ревизионистское» направление в современной французской историографии Великой буржуазной революции конца XVIII в. Брянск, 1992; Он же. Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х – 70-х годов. Брянск, 1994.
17. *Блуменау С.Ф.* Указ.соч. Брянск, 1995; *Smirnov V.* L'image de la Revolution francaise dans l'historiographie post-sovietique // Pour la Revolution francaise. En hommage a Claude Mazorique. Recueil d'etudes. Rouen, 1998. P.541-545.(Русская версия - *Смирнов В.П.* "Образ французской революции в пост-советской историографии")
18. См.: *Колосов Н.Е.* Как думают историки. М. 2001.
19. См., например: *Блуменау С.Ф.* В поисках новых подходов: 200-летие Революции и французская историография // Французский ежегодник 2000. С.27 и след.
20. *Vaesque A. de.* L'histoire de la Revolution francaise dans son moment hermeneutique // Recherches sur la Revolution. P., 1991. Vol.1. P.22.
21. *Doyle W.* Origins of the French Revolution. Oxford, 1989; *Hunt I.* Politics, Culture and Class in the French Revolution. Berkeley, 1984; *Vovelle M.* L'historiographie de la Revolution francaise a la veille du bicentenaire // Annales historique de la Revolution francaise. 1988. № 272; *Адо А.В.* Великая Французская революция и ее современные критики // Буржуазные революции XVII-XVIII вв. в современной зарубежной историографии. М., 1986; Актуальные проблемы изучения Великой французской революции. Материалы круглого стола» 19-20 сентября 1988 г. М., 1989; *Блуменау С.Ф.* Указ.соч. Брянск 1995.
22. *Vaesque A. de.* Op. cit. P. 12-13. Даже М. Вовель, многое принимавший в классической интерпретации революции, назвал историографию 60-70 гг. «пустотелой» (en creux), т.е. неглубокой, бессодержательной.
23. Такое видение сохраняется, хотя его место становится все более скромным в общем массиве научной продукции о революции. Значительная часть молодых исследователей ориентируется не на социальную историю, а на другие объекты изучения, прежде всего, связанные с культурой.
24. *Vaesque A. de.* Op.cit. P.14.
25. См. об этом *Чеканцева З.А.* О новом подходе к истории народных движений: Франция XVI-XVIII вв. // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С.74-86.
26. Автор намерена посвятить этому специальное исследование.
27. Традиционно мыслящий историк может возразить, что вопрос этот очень общий, философский, «не наш». Однако, многолетний собственный опыт работы с источниками в связи с конкретными сюжетами убедил меня в том, что за всяким конкретным исследованием скрываются «философские скелеты в шкафу». К такому выводу пришла не я одна. См., например: *Козлова Н.Н.* Позиция исследователя и выбор теоретического языка // Общественные науки и современность. 2001. № 5. Актуальная познавательная ситуация обязывает, точнее даже принуждает современного историка «разбираться» с такими вопросами, ибо «кризис» историописания в конце XX века имеет и когнитивную составляющую.
28. См., например: *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Курс лекций. Выпуск I. Кризис историзма. Томск, 2001.
29. См. об этом: *Тулмин Ст.* Человеческое понимание. Благовещенск, 1998. С.87-119. (англ. вариант 1972 г.). Анализ этих изменений позволил американскому философу проиллюстрировать свое заключения о том, что « выбор между абсолютизмом и релятивизмом кажется неизбежным только в том случае, если мы принимаем свержение систематическую точку зрения на концептуальные отношения в современном интеллектуальном содержании науки». Итоговый вывод Ст.Тулмина категоричен: «В последней интерпретации Куна его теория «научных революций» основывается на логическом трюизме и в качестве такового вообще не является больше теорией концептуальных изменений». *Тулмин Ст.* Указ.соч. С.90, 107.
30. *Могильницкий Б.Г.* Указ.соч. С.9.
31. Парадигма истории «это совокупность общенаучных и общемировозренческих представлений, составляющих образ истории, доминирующий в течение более или менее длительного времени» Там же.

32. Кроме того, сам концепт «парадигма» независимо от толкования его содержания генетически связан с этим самым «историзмом середины XIX века»: у них один источник – классическая европейская метафизика. Можно ли одновременно идти на поиски первого и уходить от второго? Не продуктивнее ли присмотреться к нарративу как универсальной форме организации текста, времени и человеческого опыта, которая необычайно актуальна сегодня и уже активно используется гуманитариями и историками, в том числе специалистами по истории французской революции?
33. *Тулмин Ст.* Указ.соч. С.76.
34. *Сыров В.Н.* Расцвет и закат европейской философии истории (От Бэкона к Шпенглеру). Томск, 1997.
35. *Фюре Ф.* Постижение Французской Революции. СПб., 1998. С.130.
36. Там же. С.129.
37. *Сыров В.Н.* О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // *Личность. Культура. Общество.* 2000. Т.2. Спец.выпуск. С.147.
38. Там же.
39. «Революция, – пишет Ф.Фюре. – это не только «прыжок» из одного общества в другое, но также и совокупность способов, посредством которых гражданское общество, вдруг сделавшись «открытым» вследствие кризиса власти, освобождает все заложенные в нем идеи. Это грандиозный культурный прорыв, смысл которого общество не совсем осознает... Зачем же... делать из нее неизбежный результат уникальной метафизической сущности, которая последовательно разворачивает, наподобие русских матрешек, одно уже заключенное внутри нее событие за другим? Зачем стараться любой ценой конструировать эту фантастическую хронологию, где за фазисом восходящей «буржуазии» следует период царства народа, после которого происходит падение назад в буржуазность, называемое теперь уже «нисходящим», поскольку в конце него стоит Бонапарт?» Там же. С.138-139. Нетрудно заметить, что в этом намагниченном критическим пафосом пассаже речь идет именно о такой процедуре.
40. Примечательно, что самые значительные успехи достигались тогда, когда исследователи приближались к пониманию известной мысли Л. Февра: «Исторические факты, как и факты физические, мы воспринимаем сквозь призму форм нашего разума». *Fevre L. Combats pour l'histoire.* P., 1965. P.58.
41. *Ленту Б.* Общество как целое. О трех формах анализа социальной целостности // *Одиссей* 1996. М., 1996. С.152-153.
42. *Фюре Ф.* Указ.соч. С.126, 127, 138.
43. *Адо А.В.* О месте Французской революции конца XVIII века в процессе перехода от феодализма к капитализму // *Актуальные проблемы...* М., 1989. С.8-12.
44. Фюре назвал это неоправданным «присвоением наследства» и показал, что в наследии многих историков XIX – первой половины XX века, таких как А.Токвиль, О.Кошен и других, многое плохо согласуется с представлениями историков марксистов. Более того, они просмотрели в этом наследии громадную копилку идей, которая позволяет не только обновить устоявшиеся объяснительные схемы французской истории XVIII века, но и выдвинуть принципиально новые рациональные инициативы. См. об этом *Ф.Фюре.* Указ.соч.
45. Не вписывается ли в эту процедуру осмысление динамики науки с помощью понятий «кризис» и «парадигма»?
46. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С.63-176. Философы иногда определяют эту ситуацию как «конец философии», но речь, разумеется, идет о «кризисе» философствования «классического типа».
47. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.222. Я признательна В.Н.Сырову, за то, что он помог мне понять эту давно известную мысль Коллингвуда.
48. См., например: *Lepetit B. Les villes dans la France modern (1740-1840).* P., 1988.
49. «Традиционалисты» списывали их на счет «релятивизма», «скептицизма» и даже «иррационализма», т.е. попросту отмахивались от этих идей как от надоедливых насекомых.
50. Это обстоятельство, как известно, стало мощным стимулом для развития семиотики, лингвистики, литературоведения, теории литературы, нарратологии, философской, социальной, культурной и исторической антропологии, искусствознания, культурологии.
51. *Marrou H. J. Le Metier d'historien // L'histoire et ses methodes.* P., 1961. P. 1524. Книга А.И. Марру (1904-1977) «Об историческом познании» выдержала в 1954-1975 гг. семь изданий.
52. В этих условиях анализ исторических исследований без внимательного отношения к исследовательской практике неизбежно будет малопродуктивным
53. *Prince G. Narratology: Un form and functioning narrative.* Berlin-New-York-Amsterdam, 1982; *Carr D. Time, Narrative and History.* 1991; *Зверева Г.И.* Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // *Одиссей* 1996. М., 1996.
54. Нарратология – междисциплинарная область знания, оформившаяся в 60-70 гг. XX века.

55. См. подробнее *Сыров В.Н.* Нарративное производство и современное социальное познание // Социальное знание в поисках идентичности. Фундаментальные стратегии социогуманитарного знания в контексте развития современной науки и философии. Томск, 1990. С.20-26.
56. *Декомб В.* Современная французская философия. М., 2000.С.163.
57. Цит. по: *Декомб В.* Указ. соч. С.164.
58. Я обратила внимание лишь на самое важное в интеллектуальном климате 60-80 гг.
59. См. об этом *Ленни Б.* Указ. соч. // Одиссей 1996. М., 1996. С.153; *Копосов Н.Е.* Указ. соч.
60. Об отсутствии такого интереса у историков-марксистов писал еще Ф. Фюре. См.: *Фюре Ф.* Указ.соч. С.125.
61. *Сыров В.Н.* Условия и способы конституирования истории как философская проблема. Автореф. дисс... д-ра философских наук. Томск, 1998.
62. *Chartier R.* Au bord de la falaise: l'histoire entre certitude et inquietude. P., 1998.